

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОЛИТИЙ*

Е.Ю. Мелешкина

В шестом номере журнала «Полис» за 2010 г., в котором напечатана статья В.Б. Пастухова «Реформа МВД как сублимация политической реформы в России», рассматривая проблемы российской государственности сквозь призму вопроса реорганизации силовых ведомств, автор упомянутой статьи справедливо отмечает: «На первый взгляд российская государственность за последние десять лет сильно изменилась. Государство как будто снова стало субъектом, его “архитекторы” в заслугу себе ставят восстановление знаменитой вертикали власти. Однако сама власть стала ареной борьбы частных интересов. В конечном счете все вернулось “на круги своя”, к исходной точке — угрозе приватизации власти, но теперь уже не “извне”, а “изнутри”. При этом “децентрализованный произвол” 1990-х годов уступил место “централизованному произволу” нулевых. Произошла “интериоризация хаоса” — поглощение энтропии государством. При этом хаос стал всеобщей, “системной” характеристикой состояния как общества, так и власти в России»¹.

«Удивительным» совпадением является то, что в том или ином виде проблемы, связанные с государственностью, существовали и существуют по сей день не только в России, но и во всех государствах постсоветского пространства. Конечно, не во всех из них они принимают такую форму, как в России 2000-х гг. Да и сила их проявления в отдельных странах различна. Однако сам факт их наличия свидетельствует о важности поиска их причин. В данной ста-

тье выявляются основные факторы становления государственной состоятельности в странах бывшего СССР, обуславливающие как сходства между ними, так и отличия.

1. Государственная состоятельность и ее характеристики в постсоветских полициях

Для понимания процессов государственного строительства, происходящих в постсоветских странах, важным является учет условий, в которых они происходят. Это позволяет не только выявить причины сходств и отличий между территориальными полициями, но и дать концептуальное обоснование используемым в статье понятиям.

На становление государств в постсоветских странах значительное влияние оказывает современный международный контекст. На значимость этого фактора в свое время обращали внимание различные авторы, анализировавшие процессы государственного строительства. В частности, Ч. Тилли отмечал, что присоединение полиций к международным системам не просто оборачивается их признанием другими суверенами, но мощно продвигает процессы государственного строительства в новых членах международного сообщества и трансформации старых. Современная международная система предполагает распространение в мировом масштабе норм и институтов национального государства и демократии: «Изучение европейского государственного строительства (state-making) имеет, по меньшей мере, один момент, значимый для политики

современного мира: европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (contemporary international state-system) и, вероятно, оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе — в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формам»².

Этот аспект влияния международной системы был значим для опыта государственного строительства в новых независимых государствах в межвоенный период. В настоящее время его воздействие ощущается еще сильнее, в том числе благодаря активной деятельности международных надгосударственных структур, например, Европейского Союза, и инкорпорированию в их состав некоторых новых независимых государств.

Значительное влияние международной системы на процесс государственного строительства позволяет в данной статье использовать понятие государства как территориальной политики, имеющей характеристики идеальной модели национального государства: институт, занимающийся организацией обеспечения производства и функционирования общественных благ, в том числе принятия и реализации обязательных для исполнения решений на определенной территории. Исходя из той же логики, процесс формирования современного государства можно представить в виде консолидации центра государства, принимающего решения, обязательные для исполнения на всей территории страны, и извлекающего ресурсы, необходимые для политического производства и самовоспроизводства.

Степень сформированности центра может быть отражена с помощью ис-

пользования понятия «государственность», которая может быть представлена с помощью трех характеристик: статусность (внешнее и внутреннее признание существующего государства), состоятельность (способность выполнять данные функции, потенциал, процесс и результат функционирования в качестве территориальной политики со сформированным центром) и политическое структурирование (система институтов представительства различных интересов и посредничества между гражданским обществом и государством)³.

Несмотря на то, что в действительности существует тесная связь между этими тремя аспектами государственности, их аналитическое разделение представляется важным для более адекватного понимания процессов формирования государства и проблем, встающих на этом пути. В данной статье нас интересует именно состоятельность. Введение этого понятия, его концептуальное уточнение и эмпирическая операционализация позволяет избежать использования нечетких определений типа «слабое» — «сильное» государство⁴ при анализе соответствия формирующихся государств функциональным требованиям, к ним предъявляемым.

Государственная состоятельность — многоаспектное явление, которое сложно охарактеризовать с помощью одномерных моделей и шкал⁵. Контуры эмпирической модели состоятельности могут быть следующими⁶.

Первая группа показателей могла бы включать в себя характеристики размера и объема циркуляции общественных благ. Среди них могли бы быть количество «бюджетников» и объем бюджетной сферы; наличие и объем социальной ответственности государства и вмешательства государства в экономическую сферу.

Вторая группа могла бы отражать инфраструктурную способность госу-

дарства и включать в себя индикаторы, свидетельствующие о наличии бюрократической системы и силовых структур, функциональной дифференциации и разделения властей, основ рационализации бюрократической системы, регулирующих законов и их охват. Также в эту группу могли бы быть включены показатели процедурной преемственности или изменчивости, включая смену политического режима.

Третья группа могла бы состоять из индикаторов качества государственного управления. Здесь важными, на наш взгляд, были бы показатели верховенства государственной власти над всеми другими субъектами (наличие или отсутствие вооруженных конфликтов и случаев терроризма, сепаратистские выступления, наличие незаконных вооруженных формирований), зависимости структур государственного управления и механизма принятия решений от экономических и силовых игроков, степени концентрации и распределения власти, возможности взаимного контроля и блокирования неприемлемых для большинства решений, возможно-

сти воздействия на политическую элиту и смену власти.

Подробная операционализация и создание детальной эмпирической модели — задача отдельного исследовательского проекта. В настоящее время разработаны индексы, которые лишь в той или иной степени позволяют судить об отдельных, порой довольно узких, аспектах состоятельности. Эти индексы, как и методики их компоновки, отличаются разной степенью методологической корректности. Некоторые из них разрабатывались и используются для решения политических задач, в связи с чем могут содержать в себе заведомо искаженную информацию⁷. Вместе с тем совокупность индексов позволяет судить об общей картине проблем постсоветских стран в плане государственной состоятельности и об отличиях между ними в этом отношении.

Данные, приведенные в табл. 1 и 2, свидетельствуют о наличии проблем, связанных с государственной состоятельностью, во всех постсоветских полициях.

Таблица 1
Показатели «управляемости» по данным Всемирного банка (2007 г. и 1996 г.; данные по Австрии приводятся для сравнения)⁸

Страны	Голос и подчетность	Политическая стабильность и отсутствие насилия	Эффективность управления	Качество регулирования	Господство права	Контроль над коррупцией
Азербайджан	-1,13 (-1,13)	-0,69 (-0,64)	-0,65 (-0,91)	-0,50 (-0,98)	-0,83 (-0,94)	-1,04 (-1,04)
Армения	-0,59 (-0,71)	-0,01 (0,25)	-0,31 (-0,62)	0,24 (-1,33)	-0,51 (-0,45)	-0,68 (-0,70)
Белоруссия	-1,8 (-1,54)	0,20 (-0,11)	-1,26 (-1,42)	-1,56 (-1,53)	-1,09 (-0,93)	-0,88 (-1,00)
Грузия	-0,19 (-0,39)	-0,70 (-0,93)	-0,13 (-0,31)	0,21 (-1,23)	-0,44 (-0,84)	-0,38 (-1,12)
Казахстан	-1,06 (-0,93)	0,37 (-0,31)	-0,58 (-1,00)	-0,45 (-0,43)	-0,83 (-0,83)	-0,91 (-0,92)
Киргизия	-0,64 (-0,69)	-1,11 (0,57)	-0,75 (-0,49)	-0,40 (-0,52)	-1,19 (-0,64)	-1,08 (-0,85)
Латвия	0,86 (0,75)	0,72 (0,52)	0,55 (-0,46)	1,06 (0,86)	0,57 (0,13)	0,31 (-0,65)
Литва	0,93 (0,93)	0,81 (0,44)	0,78 (-0,35)	1,12 (0,74)	0,49 (0,29)	0,17 (-0,18)
Молдавия	-0,38 (-0,12)	-0,22 (0,05)	-0,83 (-0,56)	-0,31 (-0,23)	-0,66 (-0,10)	-0,26 (-0,68)

Россия	-1,01 (-0,43)	-0,75 (-1,02), -1,04 в 2004 г.	-0,40 (-0,62) -0,23 в 2003 г.	-0,44 (-0,39)	-0,97 (-0,73)	-0,92 (-0,84)
Таджикистан	-1,26 (-1,74)	-0,87 (-2,59)	-0,97 (-1,62)	-1,02 (-2,28)	-1,13 (-1,55)	-0,86 (-1,75)
Туркмения	-2,07 (-1,81)	-0,08 (0,21)	-1,37 (-1,51)	-2,02 (-2,67)	-1,33 (-1,26)	-1,18 (-1,52)
Узбекистан	-1,91 (-1,52)	-1,42 (-0,19)	-0,74 (-0,99)	-1,45 (-1,74)	-1,06 (-0,99)	-0,95 (-1,05)
Украина	-0,09 (-0,30)	0,16 (-0,23)	-0,60 (-0,76)	-0,42 (-0,50)	-0,70 (-0,54)	-0,73 (-0,82)
Эстония	1,05 (0,91)	0,68 (0,67)	1,19 (0,56)	1,50 (1,30)	1,00 (0,51)	0,94 (-0,02)
Австрия (для сравнения)	1,39 (1,32)	1,23 (1,23)	1,73 (2,06)	1,62 (1,16)	1,90 (1,91)	2,02 (1,98)

Таблица 2

Составляющие индекса трансформации Фонда Бертельсмана, 2008 г.⁹

Страны	Ресурсная эффективность	Управленческая способность	Государственность
Азербайджан	4,0	4,0	7,0
Армения	4,7	4,7	8,8
Белоруссия	4,7	3,3	9,0
Грузия	6,7	6,0	6,3
Казахстан	5,3	4,7	8,5
Киргизия	3,7	4,0	8,3
Латвия	6,7	8,3	9,5
Литва	7,7	7,7	10
Молдавия	4,0	4,3	8,0
Россия	4,3	4,0	8,0
Таджикистан	3,0	3,0	7,3
Туркмения	2,0	3,0	7,8
Узбекистан	2,3	2,0	7,3
Украина	4,0	5,7	8,8
Эстония	8,7	9,0	9,5

Показателем независимости государства от групп интересов или напротив его «приватизации» ими является уровень коррупции, особенно в сфере государственного управления. По данным «Трансперенси интернейшнл», в 2009 г. уровень восприятия коррупции во всех постсоветских странах Восточной Европы, кроме Эстонии, был ниже 5, что означает наличие заметных проблем в этой сфере. В Эстонии он равнялся 6,6, в Литве — 4,9, в Латвии — 4,5, в Молдавии — 3,3, в Белоруссии — 2,4, в России

и на Украине — 2,2¹⁰. Украина, Россия и Литва оказались среди стран, в которых коррупция в наибольшей степени затронула систему государственного управления.

Новые независимые государства, представленные в исследованиях этой организации, в целом лидируют по всем показателям, связанным с распространением коррупции и негативной оценкой действий властей по борьбе с ней. Так, количество заявивших о том, что они давали взятки, в 2009 г. равнялось в це-

лом по региону 28% по сравнению с 2% в Северной Америке, 5% в странах Европейского Союза, 10% государствах Латинской Америки. О влиянии частного сектора на государственную политику в ННГ заявили 71% опрошенных по сравнению с 61% в Северной Америке, 53% в странах ЕС и 68% в Латинской Америке¹¹.

В то же время размах проблем, связанных с государственной состоятельностью, в отдельных постсоветских странах различный. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1 и 2, уровень восприятия коррупции, а также данные табл. 3 об оценке действий властей по борьбе с ней.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы оцениваете текущие
правительственные меры
по борьбе с коррупцией?»¹²**

Страны	Неэф- фектив- ны	Ни то, ни дру- гое	Эффек- тивны
Армения	48%	14%	38%
Азербайджан	62%	23%	14%
Белоруссия	29%	20%	51%
Грузия	21%	22%	57%
Литва			
Молдавия	40%	21%	39%
Россия	52%	26%	22%
Украина	73%	19%	7%

Как же объяснить сходства и отличия между странами постсоветского пространства в плане наличия проблем управляемости, эффективных институтов государственной власти, рационального использования имеющихся ресурсов и т.д.? Ответ на этот вопрос лежит в области анализа специфики «постимперского транзита»¹³, сопряженного с проблемами государственного и национального строительства.

2. «Постимперский транзит»: общие и специфические условия развития государств

Для более адекватного понимания влияния общих и страновых особенностей развития постсоветских политий на их государственную состоятельность обозначим некоторые исходные посылки, которые позволяют задать логическую канву последующего анализа.

Учитывая влияние современного международного контекста, ориентации международных норм на распространение институтов современного государства, допустимо обращаться к идеальной модели последнего в качестве ориентира для поиска имеющихся на постсоветском пространстве проблем и противоречий. Такая модель предполагает, что государство выступает скорее инструментом снижения транзакционных издержек между акторами с помощью формализации и деперсонализации норм и отношений, стандартизации и унификации правил¹⁴, чем проблемой для акторов. Успех создания таких механизмов зависит от достижения относительного согласия между формальными и неформальными нормами и практиками, а также от согласия политических акторов и большинства населения с всеобщими стандартными нормами и обязательствами, с легитимирующими ценностями или «устанавливающими вопросами» о природе государства, его границах, устройстве власти и т.п.

Современный международный контекст, заставляющий постсоветские политии если не воспроизводить алгоритм действий институтов современного государства, то хотя бы демонстрировать ориентацию на это, актуализирует вопрос о судьбе заимствованных институтов. Поскольку на постсоветском пространстве заимствование осуществляется в условиях сложившихся институциональных традиций (в том числе имперского управления), то судьба заимство-

ванных институтов во многом зависит от их взаимодействия с традициями.

Общие трудности становления государств в странах бывшего СССР во многом объясняются теми объективными процессами, которые наблюдаются на постимперском пространстве.

При распаде любых имперских образований, включая Советский Союз, возрастает конкуренция между различными политическими, экономическими, культурными центрами, как внешними, так и внутренними, происходит деконсолидация границ различного рода. Субцентры и внешние центры пытаются выступить в роли преемников бывшего имперского центра, включая концентрацию ресурсов и легитимирующих ценностей. Это приводит к активизации разногласий между различными политическими силами, группами населения, конкуренции публичных дискурсов относительно устанавливаемых вопросов. Результатом такой ситуации является создание крайне неблагоприятных условий для укрепления центров новых государств, их легитимации, формирования стандартных универсальных норм и правил¹⁵.

Разрушение старой институциональной структуры на постимперском пространстве происходит в условиях слабой обеспеченности ресурсами новых центров. В частности, распад СССР сопровождался экономическими трудностями, кризисом и распадом сложившейся инфраструктуры управления и связей, что усугублялось неэффективным расходованием имеющихся ресурсов. Подобные обстоятельства с неизбежностью приводят к проблемам в области инфраструктурной способности государства, поскольку выстраивание новой эффективной системы управления и связей требует значительных затрат материальных, людских, временных и прочих ресурсов¹⁶.

При формировании новых государств на постимперском пространстве обостряется противоречие между фор-

мальными институтами и неформальными. Формальные институты оказываются слабыми в силу недостатка ресурсов для их поддержания и строительства, обострившихся противоречий между центрами, центрами и перифериями¹⁷. На постсоветском пространстве эта проблема усугублялась еще и сложившимся в СССР институциональным наследием: поздний период существования Советского Союза был отмечен заметным расхождением между формальными и неформальными нормами и практиками, наличием двойной культуры и проч.¹⁸

И наконец, все постсоветские страны в той или иной степени столкнулись с проблемой консолидации политического режима, которая обостряется в связи с отсутствием традиций достижения консенсуса и ограниченности ресурсов на постсоветском пространстве. Высокая степень неопределенности политического процесса, споры по поводу результатов политического соревнования, стремление использовать институты государства для борьбы с политическими противниками — явления, довольно распространенные на пространстве бывшего СССР.

Как следует из приведенных таблиц, проявления общих для постсоветских стран проблем имеют различную интенсивность и форму. Некоторые из этих политий справляются с ними более-менее успешно, другие — нет. Можно выделить ряд факторов, определяющих эти различия.

Во-первых, это включенность в международные структуры, предполагающая наличие международных норм и стандартов по поводу организации и функционирования органов власти, обязательных для реализации на территории страны, а также инструментов контроля за этим процессом. Наиболее важным фактором здесь является членство в Европейском Союзе или, по крайней мере, ориентация на него в будущем¹⁹.

Во-вторых, количество и характер конкурирующих внутренних и внешних

центров и соответственно степень напряжения в отношениях между центрами и культурно-этнической, региональной, экономической перифериями, а также разногласий между политическими акторами. Значительное количество конкурирующих за влияние на внутриполитический процесс центров является фактором, осложняющим консолидацию границ и единого центра, достижение согласия по устанавливающим вопросам²⁰. Наихудшие условия создаются в том случае, если конкурирующие центры одновременно различаются по нескольким основаниям, т.е. если центры являются одновременно политическими, экономическими, культурно-этническими и т.п., как в случае, например, с Приднестровьем.

В-третьих, сложившееся институциональное наследие, например, различия в соотношении формальных и неформальных норм и практик, сформировавшиеся образцы организации власти²¹. В разных республиках СССР советские практики накладывались на уже имеющееся до формирования Советского Союза или включения в него институциональное наследие и традиции. Существенное влияние неформальных норм и практик, традиции концентрации власти и клиентелизма, особенно развитые в ряде республик СССР, сыграли отрицательную роль в постсоветском государственном строительстве.

В-четвертых, наличие ресурсов (территория, население, природные богатства, уровень экономического и «человеческого» развития) для институциональных трансформаций и их эффективное использование. Отсутствие достаточных ресурсов или их неэффективное использование создавали неблагоприятные условия для формирования эффективного государства.

В-пятых, традиции государственности (самостоятельной и несамостоятельной). Как убедительно доказал Ф. Редер, существование институтов государства-

сегмента в составе более сложного государственного образования является определяющим фактором успеха сессии²². Для многих нынешних постсоветских политий существование в качестве республик СССР вообще явилось необходимым условием нынешнего самостоятельного независимого существования в современных границах, так как формировало минимальную инфраструктурную основу и опыт управления, задавало границы политического сообщества (пусть даже подвижные и весьма размытые), способствовало складыванию относительно единых политических традиций на определенной территории. В политиях, которые до вхождения в состав СССР имели опыт самостоятельной государственности в границах, сопоставимых с нынешними, сложились более благоприятные условия для современного государственного строительства за счет уже имевшихся институциональных наработок, отчасти сформированных собственных традиций.

В-шестых, значимым условием, определяющим различия между странами, является степень консолидации политического режима и стратегии осуществления институциональных реформ. Консолидированный режим вне зависимости от того, какой характер он имеет, предполагает ориентацию акторов на долгосрочное существование и действия по имеющимся правилам. Понятные и стабильные правила ориентируют акторов на вложение в долгосрочные в плане получения выгоды общественные блага. Конечно, и авторитарный, и демократический режимы несут в себе риски, связанные с ориентацией акторов на вложение ресурсов в неопределенные общественные блага. Так, действия акторов при авторитарном режиме во многом зависят от качеств авторитарного, его понимания ситуации и намерений. Демократический режим несет в себе опасность ориентации акторов на раздачу популистских обещаний и реализацию популистских действий для победы

на выборах²³. Однако эти опасности не-соизмеримы с теми, которые несут в себе неконсолидированные режимы.

Неконсолидированный политический режим отличается отсутствием согласия акторов по поводу правил игры и конфигурации власти, высокой степенью неопределенности и неуверенности основных игроков в завтрашнем дне. Соответственно такой режим способствует ориентации акторов не столько на вложение в неопределенные общественные блага, сколько на извлечение сиюминутной прибыли как в материальном, так и в политическом плане. В результате государственные структуры начинают использоваться для реализации личных интересов и интересов узких групп, в том числе для борьбы с политическими оппонентами. Возникает феномен «приватизации» государства²⁴, блокирующий решение задачи стандартизации, унификации, деперсонализации правил, и отношений. Государство утрачивает свою относительную независимость.

Со степенью консолидации режима связана и стратегия осуществления институциональных реформ. Исходя из того, что успех государственного строительства во многом обуславливается преодолением существенного разрыва между формальными и неформальными нормами, можно предположить наличие более оптимальных стратегий.

Первая заключается в радикальной смене старых (имперских) институтов, полном сломе старой структуры управления и правил социалистического периода. Эта стратегия предполагает вложение значительных ресурсов и существенные транзакционные издержки на начальном этапе, но способна значительно снизить вкладываемые ресурсы и транзакционные издержки на преодоление противоречий между старыми и новыми институтами в дальнейшем.

Вторая стратегия состоит в сохранении преемственности между старыми и новыми институтами. Ее сильная

сторона заключается в экономии ресурсов на проведение серьезных реформ, выстраивание новой системы управления и формирование нормативной базы. В определенной степени эта стратегия на первых порах снижает и транзакционные издержки, так как акторы действуют по прежним понятным правилам. Однако в дальнейшем старые институты могут вступить в противоречие с новыми требованиями жизни, что может привести к обострению отношений между формальными и неформальными нормами, повысить неопределенность и соответственно транзакционные издержки.

Непоследовательное осуществление институциональных реформ — самый худший вариант с точки зрения задач государственного строительства. Существование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиливает ситуацию неопределенности, способствует обострению противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами, мотивирует акторов на использование противоречий в своих личных или узкогрупповых целях.

Задачей настоящей статьи не является систематический анализ влияния этих условий на все территориальные политики, существующие ныне на пространстве бывшего СССР. Ограничимся лишь краткой иллюстрацией воздействия выделенных нами факторов на государственное строительство на примере некоторых постсоветских стран Восточной Европы.

По совокупности влияния различных условий государственного строительства постсоветские страны Восточной Европы можно объединить в четыре группы.

Первая включает в себя страны Балтии. В них сформировался относительно консолидированный политический режим, были предприняты глубокие институциональные реформы, они были включены в состав Европейского Союза.

Относительно слабое влияние внешних центров в Литве и компенсация сильного влияния внешнего бывшего имперского центра политикой исключения в отношении этнических меньшинств в Латвии и Эстонии способствовало более консолидации политического сообщества и более успешному государственному строительству.

Страны Балтии на этапе независимости стали использовать свой довоенный опыт как в процессе легитимации государственной власти и законотворчества, так и в создании институтов государственного управления. В частности, они декларировали конституционную преемственность, возродили некоторые органы государственной власти, существовавшие в довоенный период. Так, например, в Литве одним из таких органов стал сформированный в 1990 г. Государственный контроль (высший орган, осуществляющий аудит). Он идентифицирует себя как организацию, созданную в 1919 г. В компетенцию этого органа входит более широкий круг вопросов по сравнению с подобными структурами в некоторых других постсоветских государствах, в частности по сравнению с соседней Украиной. Государственный контроль в Литве контролирует не только расходы, но и доходы, отслеживает результаты приватизации, проверяет все организации, распоряжающиеся государственными средствами, включая Центральный банк, и предприятия со значительной долей участия государственного капитала. Использование межвоенного опыта государственного строительства позволяет снизить издержки на «изобретение», заимствование и легитимацию новых органов власти и в итоге способствует большей эффективности государственного управления.

Воздействие согласия граждан по поводу правил игры и степень консолидации режима на формирование эффективной системы государственного управления можно продемонстрировать

также на примере Литвы, в которой отсутствуют влиятельные политические силы, когда-либо выступавшие против независимости республики или за смену нынешнего политического режима. В этой стране также нет ярко выраженного несогласия значительной части населения по поводу природы государства. В отличие от других стран Балтии, доля этнических меньшинств в Литве невелика. Наиболее многочисленным меньшинством являются не русские, а поляки. Умеренная национализаторская политика способствовала отсутствию значимых этнических конфликтов. Наличие институтов демократической подотчетности и их относительно приемлемый уровень функционирования, переход к фазе консолидации демократии благоприятно сказались на функционировании и развитии институтов государства. Положительным моментом было также вступление Литвы в Европейский Союз, что повлекло за собой наложение определенных обязательств и требований к государственным органам Литвы. Действия Европейского Союза, в частности, способствовали созданию системы внутреннего аудита в министерствах и государственных агентствах Литвы, формированию Комитета по аудиту в Сейме и т.д. Несмотря на сохранившиеся трудности, в частности заметный уровень коррупции и невысокое доверие населения к политическим институтам, развитие литовской государственности признается политологами как вполне удовлетворительное²⁵. Кстати, по оценкам международных организаций к началу 2000-х гг. Литва улучшила свои показатели уровня коррупции и в последние годы занимает устойчивые позиции в соответствующих рейтингах²⁶.

Во многом похожая ситуация, связанная с позитивным воздействием перехода к консолидации демократии и вступлением в ЕС, сложилась в Эстонии и Латвии. Помимо этого в Эстонии были осуществлены наиболее радикальные на

всем постсоветском пространстве реформы в области государственного управления и социально-экономической сфере. Совокупность отмеченных факторов способствовала успеху в области государственного строительства в этой стране, что нашло свое отражение в высоких значениях соответствующих индексов, в том числе приведенных в данной статье.

В следующую группу можно объединить Молдавию и Украину, которые отличаются неконсолидированными политическими режимами, существенным влиянием различных внешних и внутренних центров, непоследовательной стратегией институциональных реформ, значительными противоречиями между формальными и неформальными институтами, «приватизацией» государства, его использованием в личных целях, в том числе для борьбы с политическими оппонентами. Результатом влияния этих факторов являются относительно скромные успехи в деле государственного строительства.

Примером влияния обострившейся конкуренции различных центров на внутривластную жизнь в стране, включая государственное строительство, может служить современная Молдавия, на постсоветское развитие которой воздействие оказали не только старые имперские центры (Москва и Бухарест), но и разнообразные внутренние (Кишинев, Тирасполь, Комрат), а также относительно новый внешний центр (Европейский Союз). Соревнование этих центров привело не только к возникновению и замораживанию приднестровской проблемы, но и к раздрающим политическую нацию противоречиям по поводу идентификации, внешнеполитической ориентации и даже первоначально самостоятельного существования самого молдавского государства.

В Молдавии противоречия по «устанавливающим» вопросам между основными политическими силами в 1990-х гг., так и не снятые полностью, не-

смотря на вынужденный компромисс, достигнутый в середине десятилетия, противоречия между ветвями власти, высокая фрагментация и неустойчивость в партийном спектре, использование институтов государственного управления в личных и узкогрупповых целях обусловили слабость государства в целом²⁷ и неэффективность системы государственного управления в частности.

Определенной стабилизации и улучшения в плане политической и экономической стабилизации удалось добиться в период правления партии коммунистов, вынужденных через определенное время после прихода к власти занять компромиссную позицию. Эта компромиссная линия одновременно сопровождалась политикой давления на прорумынскую оппозицию и ее дискредитации.

Коммунистам с помощью силового воздействия, различных обещаний, умелого лавирования и благодаря использованию значительного организационного ресурса партии и рычагов государственного управления постепенно удалось склонить различные политические силы к «навязанному» консенсусу, ярким свидетельством которого была поддержка оппозиционными лидерами В. Ворониной во время выборов президента в 2005 г.²⁸

Вместе с тем результаты проводимой коммунистами политики были весьма неоднозначны. Нерешенность приднестровской проблемы, периодически возникающие конфликты с Гагаузской автономией, все возрастающее количество жителей страны, желающих получить гражданство Румынии, свидетельствовали о том, что Молдавии предстоит еще решить целый ряд практических задач по укреплению государственного суверенитета, повышению эффективности государственного управления и т.д. Как показал политический кризис 2009 г., достигнутый компромисс носил непрочный, временный характер. А нынешние события в этой стране свидетельствуют о том, что разногласия между основными поли-

тическими силами как по базовым для политической жизни проблемам, так и по вопросам тактической значимости, отрицательно сказываются на действии механизма принятия политических решений и в целом на эффективности государственного управления.

На Украине, в которой неконсолидированность режима, наличие существенных разногласий по поводу основных правил политической игры, «приватизация» государства экономическими кланами, разногласия по поводу вопросов идентичности во многом также обуславливают периодические политические кризисы, слабую эффективность системы государственного управления.

Влияние финансово-промышленных «кланов» на политическую жизнь на процесс принятия решений не отрицается даже на официальном уровне. Эти «кланы» имеют в основном отчетливую региональную привязку (днепровский, днепропетровский, львовский, киевский и т.д.)²⁹. Одним из проявлений борьбы «кланов» стали, например, разногласия между Президентом Украины В. Ющенко и премьер-министром Ю. Тимошенко по поводу урегулирования «газового конфликта» в конце 2008 — начале 2009 г.

Следствием «приватизации» государства различными группами³⁰ является невысокая эффективность государственного управления, нестабильность и политические кризисы. Так, после «оранжевой» революции Украина пережила целую череду политических кризисов различного масштаба: кризис в 2006 г., вызванный противостоянием между Президентом Украины и кабинетом министров, с одной стороны, и законодательной властью, с другой, кризис 2007 г., возникший из противостояния между Президентом Украины В. Ющенко и премьер-министром В. Януковичем, два кризиса 2008 г., возникшие на основе расхождения позиций украинских политиков по поводу членства в НАТО и попыткой парламентариев ограничить

президентские полномочия. Последний политический кризис произошел на почве разногласий между политическими силами относительно результатов последних президентских выборов.

Помимо политических кризисов эксперты указывают на определенную деградацию системы управления и государственной службы, произошедшую после «оранжевой революции». Они отмечают, что на рубеже тысячелетия исполнительная дисциплина чиновников находилась на более высоком уровне. Несмотря на то, что большинство должностей занимали управленцы еще советской школы, их уровень квалификации был в целом выше, нежели пришедших им на смену в период после «оранжевой» революции. «Декучмизация» 2005 г. и последующая борьба с влиянием Ю. Тимошенко со стороны президента и его секретариата в целом отрицательно сказались на качестве исполнительной власти и эффективности государственного управления³¹.

Третью группу постсоветских стран Восточной Европы образует Белоруссия, которую отличает высокая степень институциональной преемственности, относительно консолидированный политический режим и неплохие показатели государственной состоятельности. Значительное влияние внешнего бывшего имперского центра в Белоруссии успешно компенсировалось распространенной советской идентичностью, явившейся результатом интенсивной политики советизации³². За счет установления и консолидации авторитарного режима в Белоруссии удалось сконцентрировать ресурсы и снизить количество влиятельных игроков, претендующих на перераспределение государственных доходов и государственной собственности, а высокая степень институциональной преемственности³³ еще больше снизила транзакционные издержки. Однако режим личной власти, полное исключение оппозиции из политического процесса и нежелание договариваться с ней создает потенциальную угрозу поли-

тической неопределенности и нестабильности в будущем. На примере Белоруссии мы можем наблюдать постепенное исчерпание возможностей позитивного влияния отмеченных факторов.

К четвертой группе можно отнести наследницу бывшего имперского центра — Россию. В силу такого особого положения, особой исторической роли, Россия стоит несколько особняком по отношению ко всем другим постсоветским государствам. Например, отсутствие влиятельных внешних центров в ее случае не является столь значимым фактором, определяющим консолидацию политического сообщества, как во многих других постсоветских странах. Вместе с тем в России довольно остро стоит проблема «устанавливающих» вопросов в связи с имперским наследием и задачей консолидации границ различного рода. Разногласия по этим вопросам дополняются неконсолидированным политическим режимом, непоследовательным характером стратегии институциональных реформ, значительными противоречиями между формальными и неформальными правилами и практиками, «приватизацией» государства различными экономическими игроками и представителями силовых структур. В результате формируется в целом неблагоприятный для успешного государственного строительства климат.

Преобладание неформальных институтов и практик в России наполняет институциональные реформы довольно причудливым содержанием, последние оказываются не слишком эффективными, приводя к появлению новых форм, скрывающих старое содержание. Примером этому могут быть политические

реформы, осуществленные в 2000-х гг., призванные укрепить «вертикаль государственной власти» и повысить эффективность государственного управления. По мнению ряда исследователей, результатом этих реформ явилось укрепление доминирования одного политического актора в ущерб позициям других, воспроизводство некоторых советских практик и институтов (например, в виде попыток обеспечить господство «партии власти» «Единой России»), разрастание бюрократического аппарата и рост коррупции³⁴. «Укрепление вертикали государственной власти» не привело к ожидаемой концентрации монополии на насилие и угрозу его применения в руках государства. В частности, борьба с терроризмом и организованной преступностью привела к тому, что общее количество террористических актов, активность террористических групп и географический охват террористической угрозы неуклонно возрастают³⁵.

***

Отмеченные выше факторы, обуславливающие различия между странами постсоветского пространства в плане государственного строительства, являются универсальными, но, вероятно, не исчерпывающими. Уточнение набора таких условий, а также исследование страновых казусов с учетом уникальной совокупности обстоятельств — возможная проблема для большого коллективного исследовательского проекта, способного продвинуть нас в понимании политических процессов происходящих в современной России, ее ближайших соседях и государствах, возникших на других постимперских пространствах.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-00678а «Формирование государств и наций в странах постсоветского пространства».

¹ Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. 2010. № 6. С. 35. [Pastukhov V. Reforma MVD kak sublimatsiya politicheskoi reformi v Rossii. POLIS. 2010. № 6. P. 35.]

- ² Tilly Ch. Reflections on the history of European state-making // The formation of national states in Western Europe/ Ed. By Tilly Ch. Princeton: Princeton university, 1975. P. 637–638.
- ³ См. об этом, напр.: Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. М., 2008. № 4. С. 7–33; Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. [Ильин М.В. Vozmozhna li universalnaya tipologiya gosudarstv? // Politicheskaya nauka. 2011. № 2.]
- ⁴ Более подробно о разных подходах к пониманию государственной состоятельности, традициях в ее исследовании и возможностях, которые может дать использование этого термина в сравнительных исследованиях, см. в: Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2. [Meleshkina E.Y. Issledovaniya gosudarstvennoi sostoyatel'nosti: kakie uroki mi mozhem izvlech? // Politicheskaya nauka. 2011. № 2.]
- ⁵ См. об этом подробнее: Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Обсуждение особенностей индексов не является предметом настоящей статьи. Понимая ограниченные возможности имеющихся инструментов, мы, тем не менее, используем соответствующие данные для иллюстрации общих тенденций.
- ⁸ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters VII: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2007// Policy Research Working Paper. № 4654. URL: <http://elibrary.worldbank.org/docserver/download/4654.pdf?expires=1302440046&id=id&accname=guest&checksum=297690AF67B8AC2F4067F59E51DF866C>. Индексы управляемости (governance) Всемирного банка учитывают следующие измерения: голос и подотчетность (насколько население может влиять на формирование правительства и разные свободы), политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность правительства (качество общественных, гражданских услуг, их независимость от политического давления, качество формулирования и применения политического курса, надежность в отношении приверженности правительства данному политическому курсу), качество регулирования (способность правительства формулировать и реализовывать разумный политический курс, способствующий развитию частного сектора), господство права (насколько агенты доверяют и соблюдают правила, особенно качество исполнения контрактов, прав собственности, полиции и суда, вероятность преступности и насилия), контроль над коррупцией (степень того, насколько общественная власть используется для личных целей, включая мелкие и крупные формы коррупции, так же как и «захват» государства группами элит и частными интересами или отсутствие такового). Значение индексов варьируется от –2,5 до 2,5.
- ⁹ Bertelsmann transformation index: BTI 2008. URL: http://bti2008.bertelsmann-transformation-index.de/fileadmin/pdf/Anlagen_BTI_2008/BTI_2008_Ranking_EN.pdf. Показатель государственности основан на учете оценок монополии государства на использование насилия на территории страны, согласие граждан с критериями гражданства и национальной природой государства, светский характер легитимности государства и законного порядка на его территории, наличие основных административных структур управления.
- ¹⁰ Corruption Perceptions Index 2009: Regional Highlights: European Union and Western Europe. URL: http://www.transparency.org/content/download/47601/761851/CPI+2009+Regional+Highlights+EU+and+Western+Europe_en.pdf; Индекс восприятия коррупции за 2009 г.: Юго-Восточная Европа, Восточная Европа и Средняя Азия. URL: http://www.transparency.org/content/download/47858/763551/CPI_2009_Region_HighlightsSE_Europe_EE_Central_Asia_russ.pdf
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ См. об этом, напр.: Kuzio T. Transition in post-communist states: Triple or quadruple? // Politics. 2001. Vol.21 (3). P. 168–177.
- ¹⁴ О государстве как проблеме и как способе снижения издержек см. в: Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- ¹⁵ См. об этом, напр.: Мелешкина Е.Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // Метод: Московский Ежегодник Трудов Общественных Дисциплин. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований. М. : ИНИОН РАН, 2010; [Meleshkina E.Y. Alternativi formirovaniya natsii i gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti // Metod: moskovskii ezhegodnik sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy. M.: INION RAN, 2010.] Meleshkina E. Democratization in the post-Soviet countries of Eastern Europe and nationalizing politics// Nationalism and democracy/ Ed. be Lecours A., Moreno L.L., N.Y.: Routledge, 2010 etc.
- ¹⁶ См. об этом, напр.: Pierson P. Increasing returns, path dependence and the study of politics// American political science review. 2000. Vol. 94. № 2. P. 251–267; Pierson P. The limits of design: Explaining

- institutional origins and change// *Governance: An International journal of policy and administration*. 2000 Vol. 13. № 4. 475–499.
- ¹⁷ См. об этом, напр.: Leitzel J. *Russian economic reforms*. L. : Routledge, 1995.
- ¹⁸ См., напр.: Jowitt K. *New world disorder*. Berkeley: University of California, 1992.
- ¹⁹ О положительном влиянии международных организаций, включая ЕС, на решение проблемы этнических меньшинств в странах Балтии см., напр.: Galbreath D. *Nation-building and minority politics in post-socialist states: Interests, influence and identities in Estonia and Latvia*. — Stuttgart: Ibidem, 2005.
- ²⁰ См. об этом, напр.: Мелешкина Е.Ю. Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // *Метод: Московский Ежегодник Трудов Общественно-ведческих Дисциплин*. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований. М. : ИНИОН РАН, 2010; Meleshkina E.Y. *Alternativi formirovaniya natsii I gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti* // *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov obshchestvedcheskih distsiplin. Sbornik nauchnyh trudov*. М. : ИНИОН РАН, 2010.] Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // *Политическая наука*. 2010. № 1; [Meleshkina E.Y. *Formirovanie gosudarstv v usloviyah etnokulturnoi raznorodnosti: teoreticheskiye podhodi I istoricheskaya praktika* // *Politicheskaya nauka*. 2010. № 1.] Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Становление территориальных политий в условиях частичного признания // *Политэкс*. 2011. № 2. [Kudriashova I.V., Meleshkina E.Y. *Stanovlenie territorialnih politii v usloviyah chastichnogo priznaniya* // *Politeks*. 2011. № 2.]
- ²¹ О влиянии этого фактора см. Lynch A. *How Russia is not Ruled*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Bunce V. *The Political Economy of Post-Socialism* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. №. 4. P. 756–793; Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. *The Challenge of history in Central and Eastern Europe* // *The Handbook of political change in Eastern Europe*. Ed. by Berglund S., Ekman J., Aarebrot F.H. Second Edition. Chaltenham: Edward Elgar, 2004; Roy O. *The new Central Asia : the creation of nations*. L.: Tauris, 2007 и др.
- ²² Roeder P.G. *Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton univ. press, 2007.
- ²³ О влиянии различных режимов на государственное строительство см., напр.: Fritz V. *State-building : a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central European University, 2007.
- ²⁴ О концепции «приватизации» государства или «овладения» государством (state capture) в противоположность его «укорененной автономии» (embedded autonomy) см., напр.: Hellman J., Jones G., Kaufmann D. *Seize the state, seize the day: State capture, corruption, and influence in transition economies* // *World Bank policy research working paper*. № 2444. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=240555
- ²⁵ См., напр.: Fritz V. *State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. — Budapest: Central European University, 2007.
- ²⁶ По данным «Трансперенси Интернейшнл», Литва в 1999 г. занимала 50-е место по индексу восприятия коррупции с оценкой 3,8, а в 2001 г. переместилась на 38-ю позицию с оценкой 4,8 (в дальнейшем оценки Литвы оставались относительно стабильными). В отличие от Литвы, Украина, например, не улучшила своих позиций в целом, а за аналогичный период даже ухудшила (83-я позиция в 2001 г. с оценкой 2,1 по сравнению с 75-й в 1999 г. с оценкой 2,6) — *Corruption Perceptions Index 1999*. URL: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/previous_cpi/1999; *Corruption Perceptions Index 2001*. Mode of access: http://www.transparency.org/policy_research/surveys_indices/cpi/2001.
- ²⁷ О слабости государства см. Подробнее: Way L. *Weak States and Pluralism: The case of Moldova* // *East European politics and Societies*. 2003. Vol.17. № 3.
- ²⁸ См. подробнее: Боцан И. Многопартийность в Республике Молдова: энтропия развития // *Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире*. М. : ИНИОН РАН, 2006. [Botsan I. *Mnogopartiinost v Respublike Moldova: entropiya razvitiya* // *Politicheskaya nauka: politicheskiye partii I partiinye sistemi v sovremennom mire*. М. : ИНИОН РАН, 2006.]
- ²⁹ См. подробнее, напр.: Попов Э. Региональные элиты Украины в контексте украинской государственности: не допустить войны всех против всех. URL: <http://www.oko-planet.su/politik/newsday/17438-yeduard-popov-regionalnye-yelity-ukrainy-v.html>; [Popov E. *Regionalniye eliti Ukraini v kontekste ukrainskoi gosudarstvennosti: ne dopustit' voini vseh protiv vseh*. URL: <http://www.oko-planet.su/politik/newsday/17438-yeduard-popov-regionalnye-yelity-ukrainy-v.html>.]; Мальгин А.В. Украина: Соборность и регионализм. Симферополь: СОНАТ, 2005; [Mal'gin A.V. *Ukraina: sobornost'*

I regionalism. Simferopol: SONAT, 2005.]; Дергачев В. Кризис украинской государственности // Вестник аналитики. 2007. № 4. URL: <http://www.dergachev.ru/analit/8.html> [Dergachev V. Krizis ukrainiskoi gosudarstvennosti // Vestnik analitiki. 2007. № 4. URL: <http://www.dergachev.ru/analit/8.html>] и др.

- ³⁰ В плане «приватизации» государства показательно, например, что, по оценкам Государственной налоговой администрации, на 2000 г. 364 народных депутата Украины имели официальный доход от коммерческих структур. Парламентарии возглавляли 202 предприятия и являлись учредителями 473 предприятий. В целом депутаты имели отношение к хозяйственно-финансовой деятельности 3105 предприятий. В 1999 г. для импорта этих предприятий составляла 25,3% импорта Украины, экспорта — 10,1% экспорта Украины. В 1999 г. эти предприятия имели недоимку в бюджет в размере 4,1 млрд грн. Коррупция в Украине: Сущность, масштабы и влияние. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=200. [Korruptsiya v Ukraine: sutschnost', mashtabi i vliyaniye. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=200.]
- ³¹ Политический кризис на Украине не преодолен. URL: <http://news.mail.ru/politics/1473214/> [Politicheskii krizis na Ukraine ne preodolen. URL: <http://news.mail.ru/politics/1473214/>]
- ³² См. об этом, напр.: Woolhiser C. Language ideology and language conflict in post-soviet Belarus // Language, ethnicity and the state. Volume 2: Minority languages in Eastern Europe post-1989/ Ed. By O'Reilly C. Houndmills and N.Y.: Palgrave, 2001. P. 91–122.
- ³³ В частности, В. Фриц, признавая наличие проблем в белорусском варианте становления государства, отмечает положительное влияние институциональной преемственности на этот процесс Fritz V. State-building: a comparative study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia. Budapest: Central European University, 2007.
- ³⁴ См. об этом: Пастухов В.Б. Реформа МВД как сублимация политической реформы в России // Полис. 2010. № 6 [Patukhov V.B. Reforma MVD kak sublimatsiya politicheskoi reformi v Rossii // Polis 2010. № 6.] Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2; [Kholodkovskiy K.G. K voprosu o politicheskoi sisteme sovremennoi Rossii // Polis. 2009. № 2.]; Гельман В.Я. Возвращение Левиафана? Политика децентрализации в современной России // Полис. 2006. № 2. С. 90–109; [Gelman V.Y. Vozvratscheniye Leviafana? Politika retsentralizatsiyi v sovremennoi Rossii // Polis 2006. № 2. S. 90–109.]; Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен // Политическая наука: Политические партии и партийные системы в современном мире. М. : ИНИОН, 2006. С. 136–162 [Meleshkina E.Y. Dominirovaniye po-russki ili mirovoi fenomen // Politicheskaya nauka: politicheskiye partii i partiynnye sistemy v sovremennom mire. М. : INION, 2006. S. 136-162] и др.
- ³⁵ См, напр.: СКП: на Северном Кавказе возросло число преступлений террористического характера. URL: <http://ww.kavkaz-uzel.ru/articles/161019/> [SKP: na Severnom Kavkaze vozroslo chislo prestuplenii terroristicheskogo haraktera. URL: <http://ww.kavkaz-uzel.ru/articles/161019/>]